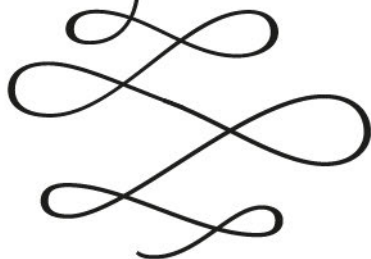

Люси Мод
МОНТГОМЕРИ

Голубой
ЗАМОК

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(7Кан)-44
М 77

Lucy Maud Montgomery
THE BLUE CASTLE

Перевод с английского Ольги Болговой

Серийное оформление и иллюстрация на обложке
Владимира Гусакова

© О. В. Болгова, перевод, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-26894-4

ГЛАВА I

Если бы то майское утро не выдалось дождливым, вся жизнь Валенсии Стирлинг сложилась бы иначе. Она вместе с семьей отправилась бы на пикник тети Веллингтон по случаю годовщины ее помолвки, а доктор Трент уехал бы в Монреаль. Но зарядил дождь, и сейчас вы узнаете, что из этого вышло.

Валенсия проснулась рано, в безжизненный, безнадежный предрассветный час. Она плохо спала, что неудивительно, если вам завтра исполнится двадцать девять лет, а вы не замужем и живете среди людей, убежденных, что незамужние девы сплошь неудачницы, не сумевшие заполучить мужчину.

Все в Дирвуде, не исключая Стирлингов, давно записали Валенсию в безнадежные старые девы. Но сама она никогда не оставляла надежды, пусть жалкой, стыдливой и слабой, на то, что романтическая история еще ожидает ее впереди, — вплоть до этого ужасного, дождливого утра, когда Валенсия проснулась с мыслью, что ей уже двадцать девять и она не нужна ни одному мужчине.

Да, именно последнее обстоятельство и ранило ее, как ядовитое жало. Валенсия не слишком переживала из-за своего незамужнего положения. В конце концов, считала она, участь старой девы ничуть не горше брачного союза с дядей Веллингтоном, дядей Бенджамином или даже дядей Гербертом. Ее терзало иное — отсутствие выбора. Ни один мужчина никогда ее не желал.

Она лежала одна в бледно-сером сумраке, едва сдерживая слезы. Дать им волю Валенсия не смела по двум причинам. Прежде всего, она страшилась нового сердечного приступа (один уже случился, когда она легла спать, и был хуже всех прежних). А кроме того, она боялась, что, заметив за завтраком красные, заплаканные глаза дочери, мать замучает ее назойливыми, как гнус, расспросами, пытаясь выяснить причину.

«Предположим, — подумала Валенсия, мрачно усмехнувшись, — я выложу чистую правду: „Плачу, потому что не могу выйти замуж“. В каком ужасе будет мама, хоть она и стыдится своей никчемной дочери, старой девы».

Нет, нельзя забывать о приличиях. «Воспитанные девушки, — Валенсия почти слышала строгий, назидательный голос матери, — не думают о мужчинах».

Возникшая в мыслях картина вызвала смех — у Валенсии имелось чувство юмора, о чем никто из семейства даже не подозревал. По правде говоря, у нее было множество интересных качеств, о которых также никто не имел понятия. Но смех вышел

невеселым. Маленькая, потерянная, она лежала, слушающая дождь, шумящий за окном, и с болезненным отчаянием наблюдая, как бездушный утренний свет вползает в ее уютную комнату.

Уродство этой комнаты она выучила наизусть. Желтый крашенный пол, связанный крючком отворотный прикроватный коврик, с которого на нее каждое утро скалился нелепый вязаный пес. Выцветшие темно-красные обои, потолок в потеках и трещинах. Неудобный, маленький и узкий умывальник. Коричневый ламбрекен¹ с фиолетовыми розами. Треснувшее поперек старое, мутное зеркало на дряхлом туалетном столике. Банка с пахучими травами, собранными матерью бог весть когда, в ее ставший древним преданием медовый месяц. Шкатулка с отбитым углом, старательно обклеенная ракушками кухней Стиклс в столь же незапамятном детстве этой последней. Расшитая бусинами подушечка для иголок — половина бусин потеряна. Жесткий желтый стул и выцветший от старости девиз: «Ушедшие, но не забытые», вышитый разноцветной пряжей над сморщенным лицом прабабушки Стирлинг. Старые фотографии древних родственников, сосланные наверх из нижних комнат. Литография с изображением щенка, сидящего на крыльце под дождем. Эта картинка всегда вызывала грусть. Бедный маленький песик на ступеньке под дождем! Почему никто не откроет дверь и не впустит его? Вылинявшее паспарту

---

¹ *Ламбрекен* — декоративная полоса, украшающая оконные и дверные проемы.

обрамляло гравюру с королевой Луизой¹, спускающейся по лестнице. Эту картинку тетя Веллингтон милостиво подарила Валенсии на десятый день рождения. Девятнадцать лет та смотрела на Луизу и ненавидела эту красивую, чопорную, самовлюбленную королеву, но так никогда и не осмелилась избавиться от нее. Мама и кузина Стиклс не на шутку рассердились бы или, как втайне называла это непочтительная Валенсия, закатили бы истерику.

Впрочем, ни одна комната в доме не могла похвастать красивым убранством. Лишь внизу кое-как соблюдалась видимость достоинства. Для мест, которых никто не видел, не хватало средств. Валенсия иногда думала, что могла бы и сама что-то сделать со своей комнатой, даже не имея денег, если бы ей только позволили. Но мать отвергала любое робкое предложение, а Валенсия не настаивала. Она никогда не настаивала. Она боялась. Ее мать не допускала возражений. Обидевшись, миссис Стирлинг могла дуться неделями, сохраняя вид оскорбленной герцогини.

Единственное, чем комната нравилась Валенсии, — это возможностью уединяться по ночам, чтобы поплакать, если приходило такое желание. В конце концов, какая разница, уродлива или нет комната, где ты всего-навсего спишь и одеваешься? Просто так побыть одной Валенсии не дозволялось. За стремлением остаться в одиночестве,

---

¹ Возможно, речь идет о Луизе Мекленбургской (1776–1810), супруге прусского короля Фридриха Вильгельма III.

считали миссис Фредерик Стирлинг и кузина Стиклс, всегда скрывается некая предосудительная цель. Зато покои Валенсии в Голубом замке были такими, какой должна быть настоящая комната.

Валенсия, которая в жизни шагу не смела ступить свободно, с которой привычно не считались, которую походя оскорбляли, не знала удержу в прекрасных мечтах. Никто из клана Стирлингов или его ответвлений не подозревал об этом, а меньше всех — ее мать и кузина Стиклс. Они ведь не ведали, что Валенсия обретается не только в уродливом краснокирпичном доме на улице Вязов, но и в Голубом замке под небом Испании.

В этом воображаемом замке Валенсия жила очень давно. С тех самых пор, как она впервые оказалась там крошкой, она видела, стоило лишь закрыть глаза, окутанные чарующей бледно-голубой дымкой башенки и стяги, реющие над заросшей соснами горой, на фоне закатного неба прекрасной незнакомой страны. Все здесь было удивительно и красиво.

Драгоценности, достойные королев, драпировки из огня и лунного света, кушетки, затканые розами и золотом. Длинные марши пологих мраморных лестниц, украшенных белыми вазами, и стройные девы, невесомыми тенями сходящие и восходящие по ним. Укромные внутренние дворики-патио в окружении мраморных колонн, где журчат фонтаны и соловьи поют среди миртов. Зеркальные залы, чьи стены множат отражения

рыцарей (разумеется, только прекрасных, и никаких более) и дам, исключительных красавиц, — и ее, разумеется, первойшей из всех, за чей взгляд умирали мужчины. Надежда ночью ускользнуть в свою мечту поддерживала Валенсию среди скуки дней. Большинство Стирлингов, если не все они, умерли бы от ужаса, узнав хоть малую долю того, чем занималась Валенсия в своем Голубом замке.

Во-первых, у нее сменилось несколько возлюбленных. О, разумеется, она не делила свою привязанность между многими, храня верность одному избраннику. Тому, что добивался ее с романтическим, рыцарским пылом и долгой неизменной преданностью и ждал у алтаря в великолепной, украшенной фамильными штандартами часовне Голубого замка.

В двенадцать лет сердце Валенсии принадлежало златокудрому и голубоглазому юноше, открытому и простодушному. К пятнадцати годам избранник (разумеется, все такой же красивый) заметно вытянулся, наивный румянец сошел с его щек, обрамленных теперь уже темными локонами. В двадцать он сделался мечтательным, возвышенным аскетом. В двадцать пять обзавелся упрямым, чисто выбритым подбородком и легкой усмешкой, став скорее грубовато-суровым, нежели вкрадчиво-обольстительным. На двадцати пяти годах Валенсия остановилась — в замке она всегда оставалась двадцатипятилетней, что же касается ее героя, то он недавно (совсем недавно) заполучил

рыжеватые волосы, кривую улыбку и загадочное прошлое.

Только не подумайте, будто Валенсия убивала своих возлюбленных. Просто с появлением следующего предыдущий как-то сам собой исчезал.

Однако в то судьбоносное утро ключ от Голубого замка куда-то задевался. Жизнь слишком сильно запугала Валенсию, твякая и наскакивая на нее, подобно взбесившейся собачонке. Ей стукнуло двадцать девять, она была одинока, нежеланна, нелюбима — скромная представительница большого клана старых дев без прошлого и будущего. Оглядываясь назад, она видела лишь беспрсветную серость без единого цветного пятнышка. И впереди простиралось все то же. Она была пожухлым листом, прилипшим к замерзшей ветви. Этот миг, когда женщина осознаёт, что ей не для чего жить, что нет ни любви, ни долга, ни цели, ни надежды, имеет горький привкус смерти.

«Но мне придется брести по жизни дальше, потому что я не могу просто взять и остановиться. Возможно, мне суждено жить с этим до восьмидесяти лет, — подумала она почти в панике. — Мы все жуткие долгожители. Меня с души воротит при одной мысли об этом».

Она была рада дождю. В такую погоду не устроят пикник, которым тетя и дядя Веллингтон (их упоминали именно в такой последовательности) вот уже тридцать лет ежегодно отмечали свою помолвку. В последние годы он стал для Валенсии настоящим кошмаром. Она имела

несчастье родиться в тот же день, и после рокового двадцатипятилетия каждый в семье считал своим долгом напомнить, что она перевалила сей роковой рубеж.

Пикник она ненавидела всем сердцем, но ей и в голову не приходило протестовать. Казалось, в ее природе нет ничего мятежного. А ведь она точно знала, *что* ей скажут на пикнике. Дядя Веллингтон, которого Валенсия не любила и презирала, пусть он и сумел «жениться на деньгах» (высшая заслуга в глазах Стирлингов), спросит хриплым шепотом: «Еще не надумала выйти замуж, дорогая?» — и удалится с хохотом, которым неизменно заключает свои глупые реплики. Тетя Веллингтон, внушавшая Валенсии жалкий трепет, станет расписывать новое шифоновое платье кузины Оливии и пересказывать последнее письмо ее преданного жениха Сесила. И надо будет восхищаться (как платьем, так и письмом), проявлять искренний интерес, словно и то и другое принадлежит ей, иначе тетя Веллингтон обидится. А тетю лучше не гневить. Валенсия давно решила, что лучше обидеть Бога, чем тетю Веллингтон, потому что Бог может простить, а тетя — никогда.

Тетя Альберта, невероятно толстая, с занятной привычкой всегда называть своего супруга «он», словно единственное существо мужского пола на свете, никогда не забывающая, что в молодости была писаной красавицей, посочувствует Валенсии по поводу желтоватого тона ее кожи: «Не знаю, почему все современные девицы такие смуглые.

У меня в молодости кожа была кремово-розовой. Я считалась самой красивой девушкой в Канаде, дорогая».

Возможно, дядя Герберт не скажет ничего — или, может быть, шутливо заметит: «Как ты растолстела, Досс!» И все засмеются, потешаясь над тем, что бедная худышка Досс все никак не поправится.

Красивый важный дядя Джеймс, кого Валенсия не любила, но поневоле уважала как человека по общему признанию неглупого и потому выбранного на роль семейного оракула (Стирлинги не были особо обременены мозгами), вероятно, заметит с глубокомысленным сарказмом, которым заработал свою репутацию: «Полагаю, ты сейчас занята своим приданым?»

А дядя Бенджамин, хрипло посмеиваясь, загадает несколько своих гадких загадок и сам же ответит на них: «В чем разница между Досс и мышью? Мышь желает поесть масла, а Досс — умаслить едока»¹.

Выслушивая его загадки в очередной раз (пятидесятый, наверное), Валенсия неизменно боролась с желанием бросить в него чем-нибудь. Но никогда ничего такого себе не позволяла. Во-первых, Стирлинги вещами не бросались, а во-вторых, воспитанная в страхе перед богатым и бездетным вдовцом и уважении к его деньгам, Валенсия не посмела бы обидеть дядю. Ведь он запросто

---

¹ Этот каламбур дяди Бенджамина основан на игре слов «harm the cheese» и «charm the he's».

может вычеркнуть ее из завещания — предполагалось, что она туда вписана. Быть вычеркнутой Валенсия никак не хотела. Она всю жизнь была бедна и знала унижительную горечь нужды. Поэтому терпела загадки дяди и даже натужно им улыбалась.

Тетя Изабель, откровенная и суровая, как восточный ветер, всегда распекала ее, причем предугадать, за что удостоится укоризны, Валенсия не могла. Тетя никогда не повторялась, искусно выискивая повод для укола. Изабель гордилась своим прямодушием — она всегда говорит то, что думает. Правда, не ценила этой черты в других, поэтому Валенсия держала свои мысли при себе.

Кузина Джорджиана, которая унаследовала имя своей прапрабабушки, названной в честь короля Георга IV, скорбно перечислит имена родственников, умерших со времени последнего пикника, и поинтересуется, «кто из нас будет следующим».

Угнетающе мудрая тетя Милдред будет разливаться соловьем, толкуя о своем муже и своих чудо-детях, потому что только одна Валенсия и готова ее слушать. По той же причине кузина Глэдис (на самом деле двоюродная кузина, согласно строгой системе, по которой Стирлинги распределяли свою родню), высокая, худощавая леди с ранимой душой, примется во всех утомительных подробностях описывать муки, кои причиняет ей воспаление нервов. А Оливия, гордость семейства Стирлинг, щедро наделенная всеми дарами, которыми обойдена Валенсия: красотой и успехом у сильного

пола, выставит напоказ свои достоинства и бриллиантовый знак любви перед ослепленным, завистливым взглядом неудачницы.

И вот — о счастье! — ничего из этого сегодня не произойдет. И Валенсия будет избавлена от упаковки чайных ложек. Эта обязанность всегда возлагалась на нее и кузину Стиклс. Однажды, шесть лет назад, пропала серебряная ложечка из свадебного набора тети Веллингтон. С тех пор Валенсии вечно о ней напоминали. Призрак ложки, словно Банко¹, витал над каждым следующим семейным праздником.

О да, точно зная, каким будет пикник, Валенсия благословляла спасительный дождь. В этом году, слава Господу, пикника вообще не будет. Лишившись возможности отпраздновать священный день, тетя Веллингтон отменит праздник. Благодаренье всем богам за такую милость!

Если дождь прекратится, решила Валенсия, она пойдет в библиотеку за следующей книгой Джона Фостера. Романы ей читать не позволяли, но Джон Фостер романов и не писал. Его коньком были «книги о природе», как сказала библиотекарь в беседе с миссис Фредерик Стирлинг, «о лесах, птицах, жуках и прочей живности». Поэтому Валенсия получила-таки материнское согласие, пусть и неохотное, поскольку было очевидно, что книги ей непозволительно нравятся. Позволительным,

---

¹ *Банко* — персонаж трагедии Шекспира «Макбет», военачальник, убитый Макбетом. Призрак Банко является Макбету на пиру.

даже похвальным считалось чтение, добавляющее ума и укрепляющее в благочестии, но книги, приносящие удовольствие, слыли опасными. Валенсия не знала, прибавляет ли чтение ей ума или нет, но смутно ощущала, что, узнай она о книгах Фостера год назад, ее жизнь, возможно, стала бы иной. Ей казалось, что книги эти рисуют перед ней миолетные картины мира, где она, вероятно, когда-то бывала, хотя теперь дверь туда закрыта. Сочинения Джона Фостера появились в дирвудской библиотеке лишь недавно, но библиотекарь сказала Валенсии, что автор известен уже несколько лет.

— Где он живет? — спросила Валенсия.

— Никто не знает. Судя по книгам, он, должно быть, канадец, но больше ничего о нем не известно. Его издатели молчат. Вполне вероятно, Джон Фостер — литературный псевдоним. Его книги сейчас так популярны, что их сразу разбирают, хотя, честно говоря, не понимаю, что в них такого особенного.

— Я думаю, они чудесны, — тихо сказала Валенсия.

— Ну конечно. — Мисс Клаксон покровительственно улыбнулась, как обычно отправляя мнение Валенсия на свалку. — Не могу сказать, что мне нравятся жуки. Но Фостер, определенно, знает о них все.

Валенсия понятия не имела, любит ли жуков она сама. Ее привлекало отнюдь не удивительное знание Джона Фостера о жизни диких существ.

Она едва ли могла объяснить свои чувства. Манящая прелесть нераскрытой тайны, тени великих откровений, слабое, иллюзорное эхо прекрасных забытых вещей — магия Джона Фостера не поддавалась определению.

Да, она возьмет новую книгу Фостера. Прошел уже месяц с тех пор, как она прочитала «Урожай чертополоха», поэтому мама не будет возражать. Валенсия прочла эту книгу четыре раза и знала каждую главу наизусть.

А потом она вдруг подумала, что пойдет к доктору Тренту расспросить насчет странной боли в сердце. В последнее время приступы повторялись слишком часто, сердцебиение пугало, не говоря уже о головокружении и одышке. Но как отправиться к врачу, ни слова никому не сказав? Это была очень смелая мысль. Никто из Стирлингов никогда не обращался за медицинской помощью, не собрав прежде семейный совет и не получив одобрения дяди Джеймса. Более того, они все лечились у доктора Амброза Марша из Порт-Лоуренса, женатого на троюродной кузине Аделаиде Стирлинг.

Валенсии не нравился доктор Амброз Марш. Да и добраться самостоятельно до Порт-Лоуренса, находящегося в пятнадцати милях от дома, она не могла. Валенсия не хотела, чтобы кто-то узнал о ее сердечном недомогании. Поднимется суматоха, сбежится вся родня, все станут обсуждать ее недуг на разные лады, давать советы, предостерегать и рассказывать ужасные истории о пратетках

и кухнях до седьмого колена, с которыми произошло «нечто подобное» и которые «внезапно скончались, моя дорогая».

Тетя Изабель вспомнит, как всегда твердила, что у Досс могут быть неполадки с сердцем: она «такая зажатая и изможденная». Дядя Веллингтон примет болезнь как личное оскорбление, ведь Стирлинги «никогда не знали сердечных хворей». Джорджиана запричитает, что «бедная маленькая Досс недолго проживет на этом свете», а кузина Глэдис скривится: «Ну и что, со мной уже много лет происходит то же самое», как будто больше ни у кого, кроме нее, нет сердца. А Оливия — Оливия явится во всем цветении великолепной красоты, возмутительно здоровая, словно заявляющая одним своим видом: «Что за суету вы затеяли вокруг этой увядшей Досс? К чему это все, когда есть я?»

Валенсия знала, что не может ни с кем поделиться своей тайной. Не стоит даже пытаться. К тому же она была почти уверена, что ничего особо серьезного с ее сердцем не происходит. Лучше избежать куриного кудахтанья, которое вызовет ее общение. Она просто тихонько ускользнет и посетит доктора Трента. А счет оплатит из двухсот долларов, положенных ее отцом в банк в день, когда она родилась. Она тайно возьмет деньги. Ей никогда не позволяли воспользоваться даже процентами.

Доктор Трент, грубоватый, откровенный, рассеянный старик, слыл признанным авторитетом по части сердечных болезней, хотя и практиковал

только в Дирвуде. Ему было семьдесят, ходили слухи, что он намеревается уйти на покой. Никто из Стирлингов не лечился у него с тех пор, как десять лет назад он сказал кузине Глэдис, что она выдумала свое воспаление нервов. Разве можно прибегать к услугам врача, который столь беспардонно оскорбил вашу двоюродную кузину? К тому же он был пресвитерианцем, в то время как все Стирлинги посещали англиканскую церковь. Но Валенсия, выбирая между скандалом из-за неверности клану и бездной суматохи, болтовни и советов, предпочла первое.

ГЛАВА II

Когда в ее дверь постучалась кузина Стиклс, Валенсия знала, что уже половина восьмого и надо вставать. С тех пор как она себя помнила, это неизменно случалось в половине восьмого. Кузина Стиклс и миссис Фредерик вставали к семи, но Валенсии было позволено понежиться в кровати еще полчаса, потому что домашние считали ее слабенькой. И Валенсия поднялась, хотя этим утром вставать с постели ей не хотелось сильнее обычного. Для чего? Ради еще одного тусклого дня, заполненного бессмысленными, мелкими делами, безрадостного, ничего не значащего, не приносящего никому пользы? Но если сейчас не встать, она не успеет к завтраку. В доме миссис Фредерик свято соблюдалось раз и навсегда установленное время трапез: завтрак в восемь утра, обед в час дня, ужин в шесть вечера, год за годом, день за днем. Никаких извинений для опоздавших. Поэтому Валенсия, дрожа, выбралась из постели.

Было очень зябко, холод сырого майского утра проник в комнату. Весь день в доме будет холодно. Миссис Фредерик взяла за правило не топить

Монтгомери Л. М.

М 77 Голубой замок : роман / Люси Мод Монтгомери ; пер. с англ. О. Болговой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2025. — 320 с. — (Настроение читать).

ISBN 978-5-389-26894-4

Канадская писательница Люси Мод Монтгомери (1874–1942) известна во всем мире как автор книг о девочке Анне из Зеленых Мезонинов. «Голубой замок» — первый и самый популярный роман Монтгомери для взрослого читателя, вдохновляющая история любви и преображения «безнадежной старой девы» Валенсии Стирлинг, ведущей скучное существование в окружении надоедливой родни. В двадцать девять лет Валенсия узнает, что жить ей осталось не больше года, и принимает решение вырваться из плена однообразных будней навстречу неведомой судьбе. Вскоре она понимает, что волшебный Голубой замок, о котором она так часто мечтала, оставаясь в одиночестве, существует на самом деле...

«Этот роман казался мне убежищем от забот и тревог реального мира», — писала Монтгомери в дневнике. «Убежищем» он стал и для многочисленных благодарных читателей: за последний век «Голубой замок» выдержал множество переизданий у себя на родине и был переведен на все основные языки.

Впервые на русском!

УДК 821.111
ББК 84(7Кан)-44

Литературно-художественное издание / Эдеби-көркем басылым

ЛЮСИ МОД МОНТГОМЕРИ
ГОЛУБОЙ ЗАМОК

Ответственный редактор Кирилл Красник
Редактор Татьяна Филатова
Художественный редактор Владимир Гусаков
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Лариса Ершова, Анна Быстрова

Подписано в печать / Баспаға кол қойылды 10.10.2024.
Формат издания 76 × 100^{1/32}. Печать офсетная.
Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 14,1. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Отпечатано в России.	www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт». 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А. www.pareto-print.ru

A-NAM-35894-01-R